

УДК 343.12

**ВЛИЯНИЕ ОТСУТСТВИЯ
ДОЛЖНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА НА ПРИНЯТИЕ
ИТОГОВОГО РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ****Людмила Владимировна Попова***, **Елена Вильгельмовна Вологина****,
Сергей Борисович Цветков***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, vologina-e@mail.ru

*** Волгоградский институт бизнеса, Волгоград, Россия, tsvetkov.1954@mail.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на некоторые проблемы правовой регламентации участия переводчика в уголовном судопроизводстве как лица, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода. Рассмотрели возможность допуска переводчика с момента составления протокола о задержании лица в качестве подозреваемого. Поднят вопрос удостоверения компетентности переводчика. Данный процесс не урегулирован законодательством, и в связи с этим предложен алгоритм проведения такого удостоверения. Авторы высказывают мнение о том, что переводчиком может быть лишь физическое лицо, а машинные методы перевода текстов нельзя применять в российском уголовном процессе. Исследованы термины «невладение» и «недостаточное владение русским языком» лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и на примерах судебной практики определено, что нарушение порядка назначения переводчика ведет к возвращению дела судом для устранения недостатков. Предложено внести дополнение в ч. 2 ст. 59 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающееся отказа от назначения переводчика. Высказано мнение об участии переводчика по уголовным делам, связанным с преступлениями, совершенными гражданами Украины и наемниками на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, переводчик, назначение лица переводчиком, компетентность переводчика, отказ от переводчика, невладение и недостаточное владение русским языком

Для цитирования: Попова Л. В., Вологина Е. В., Цветков С. Б. Влияние отсутствия должного процессуального регулирования участия переводчика на принятие итогового решения по уголовному делу // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 123—130.

**THE IMPACT OF THE ABSENCE
OF PROPER PROCEDURAL REGULATION
OF AN INTERPRETER'S PARTICIPATION
ON THE FINAL DECISION-MAKING IN A CRIMINAL CASE****Lyudmila Vladimirovna Popova***, **Yelena Vil'gel'movna Vologina****, **Sergey Borisovich Tsvetkov*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, vologina-e@mail.ru

*** Volgograd Institute of Business, Volgograd, Russia, tsvetkov.1954@mail.ru

Abstract. The authors pay attention to certain issues of legal regulation of an interpreter's participation in criminal proceedings as a person speaking fluent language required for interpretation. The article examines the possibility to admit an interpreter since the moment to make a report on the detention of a person as a suspect. The issue of certifying the interpreter's competence is also focused. Law does not regulate this process, and therefore an algorithm to certify such competence is proposed.

The authors express the opinion that only an individual can act as an interpreter, while machine translation methods can't be used in Russian criminal proceedings. The terms "lack of speaking" and "insufficient speaking the Russian language" by a person brought to criminal responsibility are examined. By using examples of court

practice, it is determined that violation of the procedure to appoint an interpreter leads to the court returning of the case for correction of the deficiencies. The authors propose to amend Part 2 of Article 59 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation related to the refusal to appoint an interpreter. The authors make an opinion regarding the participation of an interpreter in criminal cases related to crimes committed by citizens of Ukraine and mercenaries on the territory of the Russian Federation.

Key words: language of criminal proceedings, interpreter, appointment of a person as an interpreter, interpreter competence, refusal to appoint an interpreter, lack of speaking and insufficient speaking the Russian language

For citation: Popova L. V., Vologina Ye. V., Tsvetkov S. B. The impact of the absence of proper procedural regulation of an interpreter's participation on the final decision-making in a criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 123—130, 2026. (In Russ.).

В статье 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) законодатель определил основным языком уголовного судопроизводства русский язык и дополнил возможность ведения процесса также на государственных языках республик Российской Федерации в данных субъектах. Участникам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, предоставляется право пользоваться бесплатно услугами переводчика, который определен в ст. 59 УПК РФ как лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

Кратко коснемся вопроса о применении государственного языка республики в составе РФ в судах первой инстанции. Считаем, что на практике реализовать эту норму будет непросто. Отсутствие должного регулирования в процессуальном законодательстве для ведения дел на национальном языке народов, населяющих республики, является существенным препятствием. Верховный Суд Российской Федерации также не проявляет интереса к данной проблеме. Поиск в Интернете не выявил ни одного приговора, составленного на государственном языке субъекта Федерации. При заявлении стороной защиты ходатайства о проведении судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела по существу на национальном языке государственный обвинитель, как правило, возражает, заявляя, что судебное заседание в РФ ведется на русском языке, а судьи отказывают в удовлетворении ходатайства, аргументируя тем, что в штате суда отсутствуют переводчики. Ю. Б. Павлюк, анализируя некоторые особенности законодательства использования в судопроизводстве государственных языков республик, делает вывод: «Положение процессуальных законов, предоставляющих право пользоваться государственным языком республик, является

в настоящее время в значительной мере декларативным» [1, с. 169].

Ведение судопроизводства на государственном языке субъектов Федерации, конечно, требует дополнительной правовой регламентации в УПК РФ в целях возбуждения желания у следователей и судей решать вопрос языка производства по уголовному делу в национальных рамках, но главное заключается в необходимости решения вопроса о подготовке кадров, способных осуществлять юридический перевод с национального языка на русский и наоборот в рамках уголовного процесса (термины, специфические положения производства по уголовному делу, права того участника, который не владеет русским языком, и т. п.). Но это требует создания реестра этих особых переводчиков, на что потребуется соответствующее финансирование. На этом мы остановимся и перейдем к более значимым аспектам обеспечения переводчиком участника, не владеющего русским языком, где производство по делу, собственно, и ведется на данном языке.

Переводчик относится к иным участникам уголовного процесса, его функция заключается в оказании содействия в осуществлении уголовного судопроизводства. Участие переводчика в производстве процессуальных действий обусловлено необходимостью обеспечить соблюдение прав лиц, не владеющих языком уголовного судопроизводства, независимо от их процессуального статуса: право на бесплатное пользование услугами переводчика распространяется на всех участников уголовного процесса [2].

Вопрос о моменте допуска переводчика к участию в уголовном деле в уголовном процессе до конца не раскрыт. Согласно ч. 1 ст. 169 УК РФ следователь привлекает переводчика в случае невладения (недостаточного владения) русским языком участника процесса в производстве следственного действия. То есть если лицо задержано по подозрению в совершении преступления в по-

рядке ст. 91 УПК РФ, то переводчик вступит в дело с момента начала допроса подозреваемого, который может произойти и не сразу, а через несколько часов. Все это время до допроса задержанное лицо не будет понимать, что с ним происходит, лишь предполагая о подозрении в каком-либо деянии. Защитник, конечно, может попытаться доступным путем разъяснить задержанному суть подозрения, но это не в полной мере способствует соблюдению прав данного участника.

Считаем, что было бы правильно допускать переводчика к участию в деле с момента фактического задержания лица, не владеющего языком судопроизводства, т. е. при составлении протокола задержания и разъяснения прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, подозреваемому лицу. Кроме того, поскольку защитник и подозреваемый перед началом допроса имеют право на конфиденциальное свидание, которое не имеет смысла, если они говорят на разных языках, то и переводчика необходимо допустить присутствовать на такой встрече.

Желательно, чтобы переводчик участвовал с момента начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы данного лица (например, в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ). Но будем реалистами: это создаст трудности в практике, да и, согласно ч. 2 ст. 59 УПК РФ, назначать переводчика может дознаватель, следователь и судья путем принятия властного решения. Но о такой возможности органа дознания, который, как правило, проводит проверку сообщения о преступлении, закон ничего не разъясняет. А оплата труда переводчика возможна лишь после вынесения постановления, в котором об этом указано, что возможно лишь после возбуждения уголовного дела, где будет указан его регистрационный номер.

Конечно, все написанное требует дополнительного осмысления, но полагаем, что ст. 169 УПК РФ целесообразно дополнить новой частью 1.1 следующего содержания: «1.1. В случае если лицо не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства, переводчик привлекается

к участию в уголовном деле с момента составления протокола задержания подозреваемого в порядке части первой статьи 92 настоящего Кодекса. В случае просьбы подозреваемого о свидании с защитником до производства допроса, переводчик может участвовать в таком свидании с целью перевода разговора.»

Закон требует от властного субъекта перед началом следственного действия, в котором участвует переводчик, удостовериться в его *компетенции*, т. е. определить, что последний является своего рода специалистом в языкознании, поскольку одной добросовестности этого участника явно недостаточно. Законодатель не регламентирует, каким образом, например, следователь должен удостовериться в этой компетенции именно до начала перевода. Думается, что необходимо как минимум проверить личность (переводчик должен быть совершеннолетним), знает ли кандидат в переводчики алфавит, способен ли он точно без словаря перевести на нужный язык определенную юридическую фразу (предложение), которые ему сообщит следователь, может ли прочесть письменный (печатный) текст. Да и сам отвод переводчика, указанный в ч. 2 ст. 69 УПК РФ, описан в общих чертах — в случае обнаружения некомпетентности переводчика ему может быть заявлен отвод сторонами, свидетелем, экспертом, специалистом. Опять же неясно, как эти участники, не зная иного, кроме русского, языка, определяют некомпетентность. А если никто не заявит об отводе, примет ли следователь или суд решение об этом, если будет понятно, что языком переводчик владеет слабо?

Вот пример того, как суд оценивает компетентность переводчика в конкретной следственной ситуации. *Приговором Красноармейского районного суда Краснодарского края № 1-11/2025 от 13 марта 2025 г.* осужден гражданин Туркмени за покушение на убийство своего знакомого на почве ссоры. Осужденный недостаточно владеет русским языком и в судебном заседании заявил, что признательных показаний на предварительном следствии он не давал, а переводчик его слова неправильно переводил. Суд по данному вопросу указал в приговоре, что принимает за основу показания подсудимого, данные на предварительном следствии, поскольку они объективны, даны в присутствии адвоката и переводчика. Из материалов дела следует, что подсудимый владеет лишь туркменским языком. В связи с этим данному субъекту уголовно-процессуальных отношений предоставлен переводчик, свободно владеющий как русским, так и его родным языком. Следователь разобрался в компетенции переводчика, к качеству перевода которого подсудимый претензий не имел¹.

¹ Приговор Красноармейского районного суда (Краснодарский край) № 1-11/2025 1-262/2024 от 12 марта

Как видим, суд оценил компетентность переводчика достаточно просто: переводчик одной национальности с лицом, показания которого переводятся, язык знает свободно, претензий к переводу не имелось, отводов не заявлялось. Это еще раз говорит о том, что законодатель не привел даже ориентировочных критериев признания компетентности переводчика, в связи с чем оценка компетентности носит сугубо субъективный характер.

К признакам некомпетентности переводчика, на наш взгляд, следует отнести, кроме недостаточных лингвистических познаний в русском языке, еще и нежелание участвовать в процессе из-за занятости, боязни, требование значительной оплаты своего труда, наличие знакомства с лицом, которое имеет языковой барьер, поскольку, если и заставить такого переводчика переводить, то быть уверенным в точности перевода нельзя. Вообще в принудительном порядке назначать переводчика в уголовном судопроизводстве, думается, нельзя, поскольку уголовное дело в связи с недобросовестным или некорректным переводом может оказаться в суде для рассмотрения по существу, а там возможно оглашение показаний.

Изучая научную литературу по рассматриваемой проблематике, мы обнаружили статью Е. А. Купряшиной, Е. А. Черкасовой и Д. Н. Рудова, которые пишут: «Поскольку процесс привлечения переводчика к участию в производстве по уголовному делу является проблемным, в связи с отсутствием необходимых специалистов данной сферы и наличием особенностей оплаты труда таких лиц, видится возможность введения официального использования технических переводчиков в виде специальных программных средств, позволяющих должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, самостоятельно и напрямую обращаться к лицам, не владеющим или владеющим в недостаточной мере языком уголовного судопроизводства» [3, с. 111].

Мы не можем согласиться с мнением данных исследователей: УПК РФ требует, чтобы переводчиком являлось физическое лицо, поэтому используемое порой на практике недобросовестными должностными лицами определенных возможностей современного компьютерного устройства для перевода текстов недопустимо, поскольку такой «перевод» не обеспечивает необходимую точность при фиксации юридических формулировок, да и текстовая достоверность машинного

перевода сомнительна. Такие программы не сертифицированы и не созданы для переводов текстов процессуальных документов, находящихся в уголовном деле. И как будет выглядеть просьба следователя подписать такой перевод приглашенному переводчику, да еще чтобы тот расписался об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод? На наш взгляд, *о запрете подобных действий следует дополнить законодательную норму об участии переводчика, а именно ч. 1 ст. 169 УПК РФ.*

А теперь главное в исследуемом нами вопросе — *невладение или недостаточное владение русским языком* лица, привлекаемого к уголовной ответственности. И. Г. Савицкая отмечает: «УПК РФ содержит указание на уровень владения участником уголовного судопроизводства языком — „не владеющий или недостаточно владеющий языком“, содержание которого в законе не раскрывается. Таким образом, уровень владения языком в уголовном процессе определяется лицом, ведущим производство по делу, и носит сугубо оценочный, субъективный характер» [4, с. 180]. Безусловным основанием отмены судебного решения является существенное нарушение норм уголовно-процессуального закона, выразившееся в праве пользоваться помощью переводчика, если это повлияло или могло повлиять на вынесение законного и обоснованного решения (п. 5 ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ).

В *постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» от 30 июня 2015 г. № 29* прямо указано, что право обвиняемого на защиту включает в себя и право давать показания на родном языке и пользоваться помощью переводчика бесплатно в случаях, когда обвиняемый не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется судопроизводство. Обеспечение возможности реализации этого права возлагается на лиц, осуществляющих предварительное расследование по делу, и суд. *Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» от 17 декабря 2024 г. № 39* прямо предписывает суду возвращать уголовное дело прокурору, если обвиняемому, не владеющему или недостаточно владеющему языком, на котором ведется судопроизводство, не обеспечено право пользоваться помощью переводчика.

Данным разъяснением судебные инстанции пользуются в практической деятельности.

Вот как оценил суд нарушение права обвиняемого на получение помощи переводчика на предварительном следствии. *Постановлением Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 20 февраля 2025 г. № 1-51/2025* уголовное дело в отношении гражданина Республики Грузии Гусейнови Руслана, обвиняемого в совершении нескольких преступлений, связанных со сбытом наркотических средств, возвращено прокурору. Обвиняемый пояснил, что он недостаточно владеет русским языком и не может дать показания в суде по существу предъявленных ему обвинений по делу. На предварительном следствии он был лишен права пользоваться помощью переводчика. Все протоколы следственных действий он подписывал, не читая их, поскольку практически не понимал содержания данных процессуальных протоколов. Подсудимый является уроженцем и гражданином Республики Грузия, его родным языком является азербайджанский, государственным языком является грузинский, но переводчик ему предоставлен не был¹.

Государственный обвинитель А. О. Сабанчиева внесла апелляционное представление на данное решение, указав, что доводы о недостаточном знании русского языка считает несостоятельными, поскольку в ходе расследования Гусейнови пояснил, что в услугах переводчика не нуждается и может изъясняться на русском языке. *Однако Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики в постановлении от 24 апреля 2025 г. № 22-321/2025* в удовлетворении представления отказал и указал, что следователем не был назначен Гусейнови переводчик, владеющий русским и азербайджанским языком, чем нарушено право на защиту. Согласно материалам дела, Гусейнови является уроженцем и гражданином Республики Грузия, и его родным языком является азербайджанский. Он окончил 9 классов общеобразовательной школы, обучение проходил в своей стране на грузинском и азербайджанском языках. Проживает в России непродолжительное время в качестве иностранного гражданина. Заявление Гусейнови об отказе от переводчика, который реально не предоставлялся, в материалах дела от-

сутствует. Гусейнови пояснил, что текст его ходатайства, имеющийся в деле, на русском языке был ему предоставлен и им воспроизведен с подражанием².

Возможно, подсудимый со своим защитником и смогли ввести суд в заблуждение и злоупотребить правом пользования переводчиком, но орган предварительного расследования ничего не сделал для того, чтобы такое судебное решение не состоялось. На наш взгляд, этого бы не произошло, если бы следователь пригласил переводчика с азербайджанского языка и в присутствии защитника предложил Гусейнови воспользоваться помощью данного переводчика, а если бы обвиняемый отказался от него либо не понимал азербайджанский язык и об этом был бы составлен соответствующий протокол, то суд признал бы право на защиту ненарушенным, а заявление стороны защиты — злоупотреблением права подсудимого.

В связи с такими «поворотами» в уголовных делах мы видим целесообразность внесения дополнения в ч. 2 ст. 59 УПК РФ после слов «...статьями 169 и 263 настоящего Кодекса.» следующего содержания: «*В случае отказа подозреваемого, обвиняемого от назначения переводчика, при сомнении в достаточном владении им русским языком вызов переводчика осуществляется один раз и в присутствии защитника составляется протокол отказа от оказания помощи переводчика.*». Данное дополнение позволит суду рассмотреть уголовное дело по существу без возвращения его прокурору, а при желании и ходатайстве подсудимого иметь переводчика в судебном заседании обеспечить участие такового.

В уголовно-процессуальной науке принято считать лиц, испытывающих затруднения в понимании устной речи на русском языке и не обладающих достаточной свободой ее использования при осуществлении следственных и процессуальных действий, недостаточно владеющими языком. К лицам, не владеющим языком судопроизводства, также относятся лица с сенсорными нарушениями, исключаящими восприятие устной речи. В таких ситуациях для обеспечения коммуникации привлекается сурдопереводчик, являющийся спе-

¹ Постановление Прохладненского районного суда (Кабардино-Балкарская Республика) № 1-394/2024 1-51/2025 от 19 февраля 2025 г. по делу № 1-394/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jTeV77ZC4sQC/> (дата обращения: 30.10.2025).

² Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики (Кабардино-Балкарская Республика) № 22-321/2025 от 23 апреля 2025 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6A1HWwdaqG6Q/> (дата обращения: 30.10.2025).

циалистом в области жесто-мимической и / или тактильной речи, а также понимающий язык глухих и глухонемых. На наш взгляд, следователь (дознатель) после появления в его поле зрения процессуальной фигуры подозреваемого и обвиняемого должен однозначно понимать, что собираемые доказательства с участием этих лиц должны быть оценены судом как допустимые, в том числе при соблюдении принципа языка уголовного судопроизводства. Поэтому в ходе допроса должно быть установлено гражданство лица и национальность, срок пребывания в РФ (для иностранца), образование, проходил ли службу в воинских формированиях России, где используется в служебной обстановке русский язык, на каком языке он разговаривает, пишет и думает в быту и во время работы на предприятии (если мигрант, то сдавал ли соответствующий экзамен на знание русского языка).

Возникает вопрос о целесообразности дополнения ст. 18 УПК РФ положением о том, что если к уголовной ответственности привлекается иностранный гражданин, получивший разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу или патент, то *в обязательном порядке проверяется получение сертификата о владении русским языком*. Данное правило исходит из положения ст. 15.1 *Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025)*. Наличие такого документа даст возможность правоохранителю более правильно определить необходимость привлечения или непривлечения к делу переводчика.

В настоящее время становится актуальным участие переводчика в уголовных делах, связанных со злодеяниями, совершенными украинскими войсками на территориях Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации возбудил немало уголовных дел о терроризме, убийствах людей и других преступлениях, совершенных гражданами Украины и иностранными наемниками. В скором времени Вооруженные Силы Российской Федерации одержат победу над националистами в специальной военной операции и настанет период, когда эти преступники будут привлечены к уголовной ответственности. Уголовно-процессуальный закон действует независимо от того, в каком качестве предстанут перед судом лица, совершившие эти особо тяжкие преступления, поэтому соблюдение принципа языка судопроизводства в ходе производства по уголовным делам должно соблюдаться процессуально точно.

Одним из основных моментов в ходе следствия по данным делам выступает вопрос о необходимости привлечения переводчика в производстве следственных действий, а также перевода всех материалов уголовного дела, где на каждом переведенном документе следует делать отметку об этом и удостоверить подписью переводчика и обвиняемого гражданина Украины или наемника-иностранца. Эти субъекты наверняка будут требовать назначения переводчика в целях усложнения процесса расследования уголовного дела. Здесь важно так настроить переводчика, чтобы тот объективно определил, достаточно или недостаточно владеет «фигурант дела» русским языком и проинформировал о своем мнении следователя.

В связи с этим считаем целесообразным дополнить ч. 3 ст. 59 УПК РФ, раскрывающую права переводчика, новым пунктом следующего содержания: *«4) высказывать в письменном виде суждение о совершенстве владения лицом родным языком, с которого осуществляется перевод, и понимании задаваемых вопросов на русском языке, переводимых на родной язык данного лица.»*. Это позволит следователю определить отсутствие оснований для назначения переводчика и принять соответствующее процессуальное решение в целях экономии сил и средств и соблюдения разумного срока предварительного расследования.

Видится, что необходимо в ближайшее время подготовить переводчиков, которые бы в совершенстве владели как русским, так и украинским языками. Таких участников уголовного судопроизводства следует обучить не только лингвистическим особенностям украинского языка, но и умению отличать особые организованные преступные группы из числа военнослужащих ВСУ (типа батальона «Азов»¹ и подобных ему сообществ). Разработать методику перевода конкретных следственных действий, таких как допрос обвиняемого, очная ставка, проверка показаний на месте, учитывая при этом безопасность участников процесса, а также защиту информации от утечки. Смоделировать типичные неблагоприятные следственные ситуации, которые могут быть вызваны устойчивыми отрицательными социально-психологическими качествами граждан Украины, действующих в рядах ВСУ как враги России. Иными словами, нельзя привлекать переводчиков, не прошедших первоначальную

¹ Батальон «Азов» признан террористической организацией на территории России, его деятельность на территории России запрещена.

уголовно-процессуальную подготовку и не получивших криминологической характеристики предполагаемых лиц, нуждающихся в услугах переводчика, по делам террористической направленности.

Исходя из проведенного анализа, можно предположить, что выработанные в ходе исследования рекомендации будут способствовать преодолению

ряда существующих коллизий в следственной и судебной практике по уголовным делам, затрагивающим иностранных граждан. В то же время они призваны обеспечить окончательное юридическое оформление статуса и роли переводчика в рамках российского уголовного процесса.

1. Павлюк Ю. Б. О некоторых особенностях применения в отечественном судопроизводстве норм, регулирующих использование государственных языков субъектов Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 7. С. 166—169.

2. Уголовный процесс: учебник. В 2 ч. Ч. 1 / [М. Т. Аширбекова, В. Г. Глебов, И. С. Дикарев и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, доц. М. С. Колосович, канд. юрид. наук Л. В. Поповой. Волгоград: ВА МВД России, 2023. 350 с.

3. Купряшина Е. А., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. К вопросу о привлечении переводчика к проведению процессуальных действий с участием иностранных граждан: вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 1. С. 109—113.

4. Савицкая И. Г. Реализация принципа языка судопроизводства в уголовном процессе России посредством участия в нем переводчика // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 176—184.

Попова Людмила Владимировна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lygmila.2015@yandex.ru

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
vologina-e@mail.ru

1. Pavlyuk Yu. B. On some specifics to apply norms to regulate the use of state languages of the subjects of the Russian Federation in domestic legal proceedings. Education and Law, 166—169, 2023. (In Russ.).

2. [Ashirbekova M. T., Glebov V. G., Dikarev I. S. (et al.)] Criminal Procedure. Textbook. In 2 parts. Part 1. Red. by M. S. Kolosovich, doctor of juridical sciences, docent; L. V. Popova, candidate of juridical sciences. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2023: 350. (In Russ.).

3. Kupryashina Ye. A., Cherkasova Ye. A., Rudov D. N. On the issue of an interpreter's participation in procedural actions involving foreign citizens: issues of theory and practice. Gaps in the Russian legislation, 109—113, 2022. (In Russ.).

4. Savitskaya I. G. Implementation of the principle of the language of legal proceedings in criminal proceedings in Russia involving the participation of an interpreter. Public safety, legality, law and order in the III Millennium, 176—184, 2022. (In Russ.).

Popova Lyudmila Vladimirovna,
deputy head of the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
lygmila.2015@yandex.ru

Vologina Yelena Vil'gel'movna,
associate professor at the department
of preliminary investigation
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
vologina-e@mail.ru

Цветков Сергей Борисович,
заместитель заведующего кафедрой
частного и публичного права
Волгоградского института бизнеса,
кандидат юридических наук, доцент;
tsvetkov.1954@mail.ru.

Tsvetkov Sergey Borisovich,
deputy head of the department
of private and public law
of the Volgograd Institute of Business,
candidate of juridical sciences, docent;
tsvetkov.1954@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 07.12.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 16.02.2026.

* * *